

ОТЦА Василий Шукшин потерял рано, когда ему не было еще трех лет. Все тяготы и без того нелегкой крестьянской жизни теперь легли на плечи матери.

— Времечко было тяжелое, голодное, — вспоминает Мария Сергеевна, — еле-еле перебивались с куска на кусок. И детям жизнь тогда была не сахар. Намаялись они со мной, сердешные. Бывало, вернусь вечером с покоса, а они, бедненькие, лежат обнявшись на крыльце. И так, бывало, заносит сердце, так защемит, закручинится. Вася, тот постарше Наташи, маленько был, а все ж дитенок. Все подсоблять старался.

— Я, — говорит, — воду в поле возить буду. Ты попроси, чтоб взяли...

Да куда ж ему, мальцу такому, с лошадыю управится, а то как в речке еще потонет. А он на своем стоит. Упросила я бригадира. Шибко мы тогда переволновались за него. А он, Васятка-то, взял и сдюжил.

— Мам, я в гусевые пойду, ладно!

Жалел он меня очень, а трудностей смальства не боялся. Пшла я к родичу:

— Возьми, Алеша, возьми, миденькой, возьми...

Долго не соглашался Васятку-то в гусевые брать. Дескать, мал еще. А потом махнул рукой.

— Он у тебя смысленный, пушай приходит.

Остались мы теперь с Наташей вдвоем. Вася-то с мужиками в поле жить стал. Тут-то и заняло материнское сердечко: бывало, измечусь вся. Извела тоска, всю душу скрючила.

Звезжала к нам повариха, что мужикам харч готовила, а я ей для Васятки — то хлеба краюху, то молочка. Все легче ему там будет. Через то и сено ночью скирдовать по осени ходила, ноги мне покрывались.

А как-то приехала и говорит:

— Больше брать не буду, мужики не велели. Сама, говорят, голодом сидит, а все туда же...

А Вася у них ничего не берет, стесняется. Всем тогда голодно было. Мужики уж и так, и этак. Ни в какую. Пригрозили:

— Не будешь есть — отпави назад, в деревню. Подействовало.

В глазах Марии Сергеевны снова заблестели слезы. И было в них столько неизбывного горя и тоски, что мы невольно замолчали, не в силах нарушить эту тяжелую минуту. Хотелось подойти, взять ее за руку, найти теплые и нужные слова. Но что мы могли ей сказать, чем могли утешить?

А он внимательно смотрел на нас со стен этого дома: стройный и важный, заступив ногу, в длинной морской шинели; добрый и застенчивый, с прищуренными глазами и папирской в руке — везде такой живой и близкий, что казалось, он и не покидал родного дома, а только вышел и вот-вот вернется. Все здесь дышало им, все напоминало о недавнем его пребывании. И увешанные фотографиями стены, и стопки написанных им книг, и теплые сыновьи письма, и еще сотни писем благодарных читателей, стекавшихся сюда широкой и полноводной рекой. И нам подумалось: каким же глубоким и искренним смыслом наполнена жизнь

этой простой русской женщины, всю жизнь трудившейся не покладая рук и воспитавшей такого сына?

Мария Сергеевна вытерла слезы кончиком траурного платка и продолжила:

— Места наши он больно любил. Бывало, забежит с мальчишками в лес — не сыщешь. Там и zaczyna сказывать про то, что в книжках-то вычитал. Мальчишки-то охочие были его слушать. Особливо любил он бродить на Поповском острове. Красота там неопишемая. Тут же речки тебе — Катунь и Федуловка. Вода в них — чисто зеркало. По краям острова чапшик растет, а чуть поодаль — березки, одна к одной.

О Поповском острове мы и раньше много слышали от земляков Шукшина и уже успели там побывать.

Был вечер, морозный и ясный. Все небо за островом, насколько хватало глаз, стало багровым. Прозрачные воды почему-то незамерзающей Федуловки тускло отливали медью. Только по-над самым берегом она сковалась тонким ледком, сквозь который, как через оконное стекло,

просматривался подводный мир маленькой сибирской речушки. Безлистые верхушки деревьев стояли неподвижно, тихо потрескивая от мороза. Так вот они какие, березы Шукшина.

Мы стояли как замороженные, не привыкшие к такой красоте, и не заметили, как к реке спустилась маленькая старушка. Она положила на снег горбатое коромысло, зачерпнула полные ведра воды и не спеша пошла прочь, оставляя в снегу маленькие, но глубокие следы.

— Любил он березки-то, дитенок мой, и правду любил, и людей, и книги любил. В сельской библиотеке, небось, все перечитал. Частенько туда хаживал. Особливо художественные читывал, все больше Острожского да Горького, бывало, что и заместо уроков. Я уж было и отбирать их стала. А он хитрющий был, ниш чего попридумал. Снимет с учебника обложку-то, а в нее опять же свою, художественную. И сидит так часами, замисляется, значит. Поняла я тогда, что крепко чтенie ему в душу-то запало. Стала сама ему книжки доставать. Пом-

ню, принесла ему как-то Белинского. Он эту книжицу давнехонько сыскивал. Эх, как же он мильенький-то обрадовался.

Писать начал он рано, еще мальчишкой. Мы уж потом об этом узнали. Писал и отсылал в Москву. Только ответа он так и не дождался...

Такая уж неловкая история приключилась. Но стали приходиться с некоторых пор из столицы в далекое алтайское село разноцветные конверты с лаконичной надписью: «Шукшину Вас. Мак.». И кто же мог подумать, что шли эти письма, не приметному паренку Васе Шукшину. Почтадонца относил их однофамильцу, старому деду Василию, который, как на грех, и отчество носил похожее — Максимыч. Он-то и навел темь на ясный день.

Дед Василий недоуменно крутил в руках конверт, тщетно пытался разобраться в двуконных казенных словах и так, ничего не уразумев, засовывал письмо за письмо к себе в карман. Один бог только ведаёт, сколько долгожданных писем перевел дед Василий на самокрутки. А Ва-

ся уж отчаялся отсылать в Москву свои рассказы.

И вдруг кто-то рассказал о старом деду, о том, как похвалялся тот перед стариками даром божьим — бумагой невиданной.

— Уж не для моего ли роднехонького письма эти? — осенило Марию Сергеевну. Побежала она к деду.

— Ну-ка, покажи, Максимыч, что за письма получаешь?

— Как же! Покажи! — захрюхтел дед Василий. — Нету уж ничего.

Однако порылся в карманах, достал пару обрывков, виновато и все-таки с сожалением отдал матери. Но что теперь разберешь на этих кусочках?

— Ох, Максимыч, Максимыч, — расстроено покачала головой Мария Сергеевна. — Что ж теперь делать-то...

Мария Сергеевна поднялась из-за стола и вышла в другую комнату, долго шуршала там бумагами и, вернувшись, положила перед нами пачку фотографий и письма Василия Макаровича.

— Я про него много могу рассказать. Это что вчера было, я забыть могу, а те года крепко помню. Как-то заприметила, спать он плохо стал. Все уж спит ночью, а он свечку под одеялом запалит и спать же читает. А утром на учение иди. Вот учение-то было... Они с Наташкой на старых отцовских книгах писали, промерж строк. Выломают хворостиночку из венчика, наведут сажу на воде заместо чернил и пишут так.

...В четырнадцать лет Василий закончил семилетку. Собирались с ребятами, потолковали и решили всей ватагой ехать в Бийск, в техникум. Поступил в него Шукшин без особого труда, учился не хуже остальных, ни в чем не отставал. Преподаватели не раз отмечали его способности, тем не менее, говорили: «Тебе б, Шукшин, не механиком быть». Да так, наверное, часто говорили, что он взял да бросил техникум. На третьем курсе. Когда всего год остался до специальности автомеханика. Никто не убеждал его в этом. Он сам почувствовал, что способен на что-то большее, знал этому «что-то» название, но боялся говорить о нем вслух.

Не говорить, а делать! В этом был его жизненный принцип.

— Я представляю его всег-

ИСТОКИ

СЕГОДНЯ вы прочтете историю становления человека. Историю того, как человек растит себя. И если это поможет вам сохранить присутствие духа в сложных жизненных обстоятельствах, если это заставит вас упорнее идти к своей цели, к своему призванию — значит студент Ростовского педагогического института Эдуард Юсупянц и тренер детской спортивной школы Владимир Павлов выполнили задачу, которую они поставили перед собой, отправляясь в далекое алтайское село Сrostки — на родину В. М. Шукшина...

да со сжатыми кулаками и челюстями, всегда собранного, готового ринуться в бой, — вспоминает сестра Шукшина Наталья Макаровна. — Была в нем, какая-то сила, необъяснимая, огромная. Он всегда что-то искал, чего-то добивался. Ничуть не жалел о годах, проведенных в техникуме.

— Не зря это, — успокаивал он мать. — Я ведь многое узнал. И до среднего образования всего годок остался.

— Что теперь-то будешь делать? — вздыхала мать. — В десятый пойдешь?

— Нет! Поеду до Москвы, узнаю, что там, какие институты есть.

— А деньги-то, деньги-то, — всплескивала руками Мария Сергеевна, — деньги где возьмешь?

— Деньги заработаю, — упрямо отвечал сын.

Работать не пришлось: мать продала телку Райку, которой премировали ее за отличную работу в колхозе. Продала добро в доме самое большое, а время-то ох какое несладкое! Первые послевоенные годы. И ведь надо было верить так в своего сына, в то, что не просто «прокатиться», а именно решать судьбу свою

отправляется он в Москву. Столица поразила Шукшина своими масштабами и колоссальными возможностями. Думаем, не ошибемся в своем предположении — именно тогда, именно здесь скромный сибирский паренек дал себе клятву: «Вернусь учиться в Москву».

Впереди была армия. В ожидании призыва в ряды ее Василий жил недалеко от Москвы: слесарил в Калуге и Владимире.

Шукшину досталась нелегкая служба. Говорят, море не терпит слабых. Около четырех лет судьба его была связана с морем, с легендарным Севастополем. Флотские будни не заслонили в нем тяги к любимым занятиям. Он читает, наблюдает, отмечает что-то для себя и, вероятно, впервые проявляет свои актерские способности. Мать Василия Макаровича показала нам двадцатилетней давности журнал «Советский воин», в котором есть маленькое упоминание о первых сценических опытах Шукшина, о том, как сказал ему старшина после концерта: «Молодец Шукшин! Учиться вам надо по этой линии. Способности есть, дело пойдет».

Теперь-то мы знаем, что слова старшины оказались пророческими...

Вернувшись из армии домой в Сrostки, он с головой уходит в учение. У него не было учителей. Он учил сам себя и учил других. Такое было время — директор вечерней школы без среднего образования. Почти каждый вечер в течение года стоял Василий Макарович за учительским столом и читал предмет, который сам любил больше всего на свете, — русскую литературу. Очень трудно было работать. За партами сидели люди, от зари до зари работавшие на полях и фермах. Сидели, слушали и... нередко засыпали. Василий Макарович знал цену труду колхозников, понимал, как нелегко дается им учение, но иногда не выдерживал, срывался: «Ну как так можно! Спать на ЛИТЕРАТУРЕ!» Сам-то он не позволял себе слабостей. День и ночь сидел над книгами. Был самым частым гостем в стростинской библиотеке.

Заведующая библисткой Дарья Ильинична Фалалева вспоминает:

— Он всегда подолгу выбирал книги. Пытался побольше

унести с собой. Однажды, я очень отчетливо помню тот день, попросил «все, что есть про кино». Тогда у нас почти не было такой литературы. Я отыскала кое-что и, подавая ему стопку книг, невольно заинтересовалась: «А зачем вам эти книги?». Василий Макарович смутился, но потом как-то упрямо произнес, делая ударение на каждом слове: «Я хочу поступить во ВГИК». У меня, откровенно говоря, тогда это не укладывалось в голове, в это не верилось. Ну как так: угловатый деревенский парень и знаменитый московский институт!

В середине мая 1954 года директор вечерней школы Василий Макарович Шукшин распустил своих учеников и поступил к сдаче экзаменов за курс десятилетней школы. Сдавал экстерном. Успешно. Казус получился с английским: в Сrostках экзаменатора не нашлось. Пришлось ехать в Бийск.

Получен аттестат зрелости. В двадцать пять это уже не такой большой праздник. В случае с Шукшиным просто формальность, без которой, однако, нельзя идти дальше.

И Шукшин пошел. Замахнулся на громадную высоту. Шутка ли? Всесоюзный государственный институт кинематографии...

В жизни Василия Макаровича были куда более высокие взлеты: он написал яркие, самобытные произведения, поставил талантливые фильмы, сыграл великолепные роли. Все это было, все это удивляет и всегда будет удивлять ценителей искусства.

Но эта первая высота поражает не менее остальных. Как удалось неуклюжему сельскому парню «перещеголять» многих? Где черпал он свои знания? Не может же скромная сельская библиотека сравниться с богатейшими городскими собраниями!

Мы пишем и постигаем банальную истину: «Важно, насколько читать, а как». В этом, возможно, и весь ответ на наш вопрос, но в этом же вопросе новый: как выучился он читать «вглубь», брать из малого многое?

Летом 1954 года Шукшин вновь приехал в Москву. Подал документы в Институт кинематографии и... неожиданно засомневался. Засомневался, потому что был в Москве еще один институт, который его

притягивал, — историко-архивный. Василий любил историю. А здесь — вон она, вся история матушки России, гигантские земли русской, Грозный, Петр, Разин...

Было желание и было время. Экзамены во ВГИКе начались позже. И Шукшин пошел на хитрость. На приеме у ректора историко-архивного института изложил свою «версию»:

— Приехал, понимаете ли, чтобы разузнать про экзамены, а они вот-вот начинаются. А беда вся в том, что документы дома остались, на Алтае.

Короче говоря, добился разрешения поступать без документов.

И поступил. Да как! Пять экзаменов на «отлично».

Потом сдавал во ВГИК. И там тоже — ни одной осечки! Полетела на Алтай радостная телеграмма.

— Так я радовалась за моего сыночка, так радовалась, — вспоминает Мария Сергеевна, — тогда он совета еще просил: «Куда пойти?». Отписала я ему сразу же: «Туда иди, Васенька, куда сердце велит». Приезжал он потом, рассказывал про экзамены свои. Вспомнил, как кстати Белинского я ему принесла. Этот самый вопрос ему попался. А еще смеется, вопрос ему такой задали: чем, спрашивают, сейчас Белинский занимается? «Вспылил тут мой Вася, встал со скамейки и говорит: «Что это вы вопросы такие глупые задаете!» Так вот и стал мой сын учиться на режиссера. А в историко-архивном он все уладил: сам пришел к ректору и правду всю рассказал. Тот человек оказался добрым, понял Васю и руку на прощание крепко пожал.

«ОН ЛЮБИЛ правду, мой дитенок», — эти слова не раз слышали мы от Марии Сергеевны. Он показывал ее в своих произведениях.

**Э. ЮСУПЯНЦ,
В. ПАВЛОВ.**

На снимках: мать В. М. Шукшина Мария Сергеевна; В. М. ШУКШИН в г. Бийске в 1967 г.

Фото К. Джикаварова

и Ф. Клинунова.

Редактор
К. ЛУГАНСКИЙ.